

Б Л И З О С Т Ъ

истории

о сильных

чувствах

ТАЛЪЯНА ОРЛОВА

МАТЕМАТИКА

на

РАЗДЕВАНИЕ

Москва

УДК 392.61
ББК 57.01
О-66

Орлова, Тальяна.

О-66 Математика на раздевание / Тальяна Орлова. — Москва : Эксмо, 2026. — 352 с. — (Близость. Истории о сильных чувствах).

ISBN 978-5-04-240728-4

В этой игре ошибки рожают искушение.

Асе, студентке престижного вуза, нужно подтянуть хвосты по высшей математике, чтобы не вылететь из университета. Ее «репетитору» — пробраться в кабинет ее влиятельного отца, для чего он и притворяется преподавателем. Их планам ничто не мешает, кроме запретной страсти, которая растет с каждой встречей. И допускаемые Асей ошибки — лишь повод для обоих переступить эту черту...

УДК 392.61
ББК 57.01

ISBN 978-5-04-240728-4

© Тальяна Орлова, текст, 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

Владимир

Знаю, что времени уже нет, но все равно продолжаю пялиться на многоэтажку. Пытаюсь угадать окна нужной квартиры, как если бы от итогов этого бессмысленного мероприятия что-то зависело. Жорик оказался прав. Он вообще слишком часто бывает прав — и этим бесит. Ненавидит, когда его называют Жориком, именно поэтому я только так к нему и обращаюсь. Бесить друг друга мы начали еще будучи одноклассниками, с тех пор не можем остановиться.

Я сомневался, что выберут меня. Слишком много анкет на сайте репетиторов развелось, как нерезанных кабанов. Но Жорик сказал, что надо просто указать самый высокий ценник — друг предположил, что такое чмо, как Куприянов, просто обязан инвестировать в единственного ребенка так, словно от этого зависит его пенсия. Но ему некогда копаться в компетенциях обслуживающего персонала, и потому он кликнул на самый высокий ценник. Я подскочил на месте, когда все же получил нужный звонок. Правда, не от самого Куприянова и уже третий — двум студентам до него пришлось отказать. Из чего я

сделал вывод, что далеко не только наш клиент принимает решения кошельком.

Медленно вдыхаю, окончательно настраиваюсь. Надо идти, лучшей возможности не придумать. И я обязан выполнить свою часть работы, не только ведь Жорику отдуваться. Как любой хороший юрист, он пройдоха и негодяй. После школы мы разбежались в разных направлениях, но три года назад встретились — посидели в баре, вспомнили, как доводили в школьные годы химичку, как курили в спортзале и вместе отхватывали люлей. И неожиданно решили, что просто обязаны работать вместе. У него как раз назрела аллергия на обычную клиентуру, а мне всегда требовался юрист, которому можно на сто процентов доверять.

Пару недель назад Жорик шел к Куприянову в офис с претензией, хотя сам не верил в эффективность такого варианта, но уже в приемной неожиданно изменил стратегию. Оценил перспективы и надел на секретаршу — ухоженную молодящуюся даму, которая каждым жестом выдавала, как заскучала по настоящему мужику. И Жорик решил, что он вполне способен из себя этого мужика изобразить. А что — холерный, перченый, настоящий отвязный мерзавец, таких девчонки просто обожают, а дамы средних лет уверены, что им под силу их перевоспитать. У Марии Львовны не было ни единого шанса устоять. В итоге Жорик и покувыркался, и оторвался, и даже немножечко влюбился, полностью согласный перевоспитываться, но параллельно

кое-что узнал о Куприянове. Секретарша того, не оказалась совсем уж болтливой душой, но кое-какие ее оговорки нам здорово помогли. Помимо главного, мы выяснили, что Куприянов ищет репетитора по математике для дочери-студентки. И тут Жорику пришла в голову гениальная идея, что мне наконец-то пригодится диплом физмата. Действительно, зачем он мне еще?

Все же иду к подъезду, на ходу проверяя телефон. Включена максимальная громкость, зарядки еще на несколько часов хватит. Это важно, если не хочу попасться. Домофон отвечает женским голосом:

— Открываю!

Думал, что встречать меня будет какая-нибудь домработница. Но нет, она сама открывает дверь и ждет, когда я дойду от лифта.

— Алексей Владимирович? — уточняет без лишних эмоций. — Вы опаздываете.

Киваю, признавая вину. Разглядываю ее. Пучеглазая анорексичка не понравилась мне еще до того, как я ее впервые увидел. Хоть бы накрасилась, да и футболку могла нацепить поприличнее. Вся какая-то дурацкая. И имя у нее дурацкое — Ася. Кличка для кошки, а не имя. У ее папаши большие связи, он смог впихнуть единственное чадо в МГУ, но мозги ей в голову вложить не получилось, поэтому студентка программу не тянет. Тупорылая, черт бы побрал эту золотую молодежь. Ей точно девятнадцать? Приглядываюсь лучше — да, уже не подросток, но из-за телосложения на первый взгляд выглядит

младше. Ее тут вообще не кормят? Почему она такая худющая?

Оправдываюсь, примеряя на себя необходимое для будущей роли смирение:

— Добрый день, Ася. Я еще Марии Львовне по телефону объяснял, что мне по вторникам неудобно. Или не ругайся, или пересматривай график.

Это непрофессионально. Ко взрослым ученикам обращаются строго на «вы», но «ты» вылетает само собой — язык не поворачивается говорить с этой девчушкой толщиной со швабру более официально. Ася то ли не замечает, то ли решает не обращать внимания. Ей нужна моя помощь, иначе никакие папины денежки не помогут — препод в университете попался весьма принципиальный.

— Проходите, Алексей Владимирович, — зовет она и показывает дорогу.

Успеваю осмотреться. Кажется, на кухне кто-то есть — возможно, повар. Но мы с Жориком сразу понимали, что подходящего момента придется ждать неделями или даже месяцами. А квартира огромная! Я думал, у меня немаленькая, но три моих вместились бы в одну эту. Куприянов не стесняется жить на полную котлету, сукин сын. Гигантская гостиная вся такая скучно-бежевая, что даже темные ножки кресел выглядят как яркое дизайнерское решение. Одна дверь сразу кажется подходящей: сквозь толстое стекло различим высокий шкаф и край стола. Ставлю всю Жорикову зарплату на то, что это кабинет хозяина квартиры. Но сейчас пока рано проверять.

Иду за Асей в ее комнату. Слишком широкая футболка висит на худых плечиках как на вешалке. Шея длинная, светлые вьющиеся волосы небрежно свернуты и подколоты на затылке. Здесь не ее спальня — насколько понимаю, ее располагается сразу после арки, а здесь обустроено рабочее место с компьютером и прочими нужными атрибутами. Пространства хватает с лихвой. В таких апартаментах для двух жильцов сложно не найти достаточно места. Возле стола останавливаюсь, раскладываю учебники. Чувствую, что девушка тоже меня разглядывает — еще более откровенно, чем недавно я сканировал ее затылок. Да и говорит прямо:

— Я думала, что вы старше.

— С чего ты взяла? — пожимаю плечами.

Она молчит. Но на самом деле, у ее удивления есть основания. В анкете мы указали возраст сорок шесть лет, рожу мне немного отфотошопили — решили, что так увеличим шансы. Сразу после получения заказа анкету удалили, чтобы не попасться на разнице деталей. Выбор делала секретарша Куприянова, но, конечно, согласовывала с шефом. И сам он не должен был насторожиться. А Жорик настаивал, что без ретуши такого кобеля ни один приличный отец в курятник не пустит, поэтому даже очки с простыми стеклами мне на нос присобачил, а потом еще и морду для анкеты немного подправил — что угодно, лишь бы на первом этапе мою кандидатуру одобрили, а дальнейшее уже от меня будет зависеть. Но я все равно старше ученицы на десять лет, какая

разница? Мы ведь с ней не на свиданку бежим, а открываем чудесный мир высшей математики. Ну, Ася открывает, а я пытаюсь вспомнить то, что когда-то изучал в институте.

Я готовился: несколько дней штудировал учебники. И все равно облегченно выдыхаю, когда она показывает мне задание — это я могу решить. Точнее, объяснить, как решается, ведь если она не будет довольна результатом, то меня выпроводят и наймут другого репетитора.

— У меня уже завтра контрольная по этой теме, а я ни в зуб ногой. — Ася вдруг ощутимо сжимается и смотрит на меня почти виновато: — Успеем подготовиться? Я буду стараться.

Едва не смеюсь. Это не от меня зависит, успеет она или нет. Не я ведь за ее мозги отвечаю, не я ее пихал в вуз, который она не тянет. Даже не я объяснял ей в раннем детстве, что за папино бабло прекрасное будущее не всегда можно купить. Но произношу другое:

— Приведение матрицы к ступенчатому виду? Да легко. Садись, бери листок.

Вряд ли я великолепный учитель. Просто решаю и вслух подробно объясняю, что делаю. Пододвигаю к ней учебник с примером и прошу решить самостоятельно. Наблюдаю за ней и подсказываю, когда Ася тормозит. У нее немного вздернут нос, а когда задумывается — она грызет колпачок ручки. Меня почему-то раздражает эта ее дурацкая привычка, не нравится, как она прикасается пухлыми губами к пластмассе, но и оторваться от наблюдения я не могу. Ася чувствует

мой взгляд и косится — ненормально большие глазища оказываются голубыми.

— Что? — Она нервничает. — Опять неправильно?

— Да нет. — Я широко улыбаюсь и честно признаю: — Просто удивлен. Немного практики — и тему ты сдашь. Зачем тебе репетитор, если у тебя явно нет неразрешимых проблем с этим предметом?

— Есть. — Ася вдруг густо краснеет — и это меня начинает раздражать еще сильнее. Хуже, чем ее губы на колпачке. — Я много пропустила, сейчас догоняю. А преподаватель зверствует. Подумает еще, что если Куприянова, то только на фамилии собираюсь выезжать! Да, это совсем не мое. И мне надо иногда три раза объяснить, но ведь это не значит, что я не могу?

— Не значит. Берись за следующее задание. — Я просто пытаюсь ее отвлечь, чтобы она своими зенками перестала на меня пялиться. Но все же через пару минут интересуюсь: — Почему пропускала? Болела?

— Нет.

Она не хочет распространяться, да это и не мое дело. Целый час я просто наблюдаю за ней, как в трансе, а от раздражения отвечаю иногда излишне напряженно. Она думает медленно, но ориентируется на пример и постепенно осваивается. Иногда зависает, и тогда я решаю ее подбодрить, как самый крутейший на свете репетитор:

— Не парься, Ася, у тебя неплохо получается. Я на самом деле удивлен твоими способно-

стями — ожидал увидеть тут что угодно, но не редкое чудо — женщину, способную постичь матрицы.

По-моему, прозвучало вдохновляюще и с каплей иронии, идеальная смесь. Но она косится на меня, как болотное чудище.

— Алексей Владимирович, вы сами-то услышали, сколько сексизма в вашем комплименте? — Возвращается к решению, но уточняет: — Женщин ненавидите?

— Почему же? — Я вообще не понимаю смысл упрека. — Я женщин очень люблю. Регулярно, можно сказать.

Сразу кривлюсь от досады: мне не институтскую программу надо было повторять, а как-то корректировать привычную манеру общения. Но Ася лишь хмыкает и продолжать болтать не собирается. На самом деле мне, конечно, плевать на ее мозги, на ее характер, что она любит или ненавидит, я размышляю о собственном положении. Жорик почти никогда не ошибается, но не в этом случае — зря он решил, что я справлюсь. Все нужные бумажки мы сделали, легенду продумали, образ обновили, включая обшарпанную сумку с щелкающим замком. Не оценили только главное — мое состояние, которое уже на этом первом уроке ощущается невыносимым. Мне не нравится в этой квартире всё: от повара на кухне до дурацкой Аси, которая, вопреки всем предположениям, оказывается не тупорылой размалеванной куклой. Лицо-то у нее как раз кукольное, у меня такие вызывают хроническую антипатию,

но в пластмассовой черепашке пара извилин завалялась, их надо только в правильную сторону закрутить. Но самое печальное: она кожей чувствует мой взгляд, как-то сжимается от него, как будто я ее руками трогаю, но постепенно привыкает к этому ощущению и не показывает вида, что ее что-то беспокоит. Пусть еще раз покраснеет! А то я пока недостаточно раздражен, чтобы плюнуть на нашу идею и больше никогда здесь не появляться.

Ася

Забываю об Алексее Владимировиче сразу, как только закрываю за ним дверь. Но, когда получаю за следующую контрольную заслуженный трояк с претензией на четверку, — улыбаюсь. Репетитор перед уходом попросил оплату наличкой, отказался от перевода на карту. Я кое-как собрала по карманам нужную сумму. Ясно с ним все — от налогов скрывается. Конечно, секретарша отца проверила все его бумажки. Он преподавал вышку где-то в Омском институте, потом перебрался в Москву и теперь подрабатывает репетиторством. Честно, первой мыслью у меня было позвонить отцу и сказать, чтобы искал другого учителя. Но я остановила себя. Да, материал Алексей Владимирович объяснял так себе, без огонька. Но зато не клевал мне мозг, не пытался читать лекции о важности предмета и не торопил, когда мне надо было просто подумать. Я реально туплю, когда смотрю на цифры, и удивляюсь, как

другие люди с тем же справляются без малейшего напряжения.

Вечером еду в театр «Меркурий», по пути правильно рассчитывая время. Если вернусь домой после отца, то снова начнет орать. Но как раз сегодня у меня есть отговорка — я все-таки закрыла первый долг по высшей математике. Спасибо новому репетитору. Да, пока результат не блестящий, но отцовский упрек уже не будет иметь оснований. Я благодарила бы любого репетитора на его месте, кто был бы просто в состоянии мне спокойно подсказать алгоритм решения.

Ольга улыбается со сцены, машет, чтобы я быстрее переодевалась. Она закончила театральное отделение, несколько лет работала на большой сцене, пару раз снялась в эпизодических ролях, но потом ее жизнь переломилась: Ольга узнала, что не может иметь детей, развелась с мужем — для него это оказалось слишком важным. И тогда, в самой глубине своей депрессии, поняла, что у ее жизни должен быть другой важный смысл, который перекроет все пробелы. Если не получилось пожить для себя — надо пожить для других. И тогда она открыла любительский театр «Меркурий».

Мы платим ей за посещение, но деньги символические, удивляюсь, как Ольге хватает на аренду помещения и жизнь. Но в дело она вовлечена полностью — раскрывая нас, раскрывает и саму себя. Радуется успехам своих подопечных, как будто целую кучу детей усыновила и в люди вывела. Собрала она разновозрастной контингент.

Самому младшему десять лет — его родители приводят, они мечтают, что после такой подготовки в будущем Макар без труда поступит в театральный. Шестидесятилетняя Людмила Ивановна играет у нас бабушек, когда такая роль в пьесе имеется, а чаще занимается реквизитом. Она сюда приходит для психологической разрядки — и на моей памяти ни одной репетиции не пропустила. Две семнадцатилетние школьницы тоже стараются. Они предпочли бы модельное агентство, но там требуют другой платы — вот и решили хотя бы пока тренировать актерское мастерство. Бесконечно бегают на кастинги, Алина недавно прошла в какую-то рекламу — съемки еще не начались, но она разрыдалась, когда рассказывала об этом Ольге. Все мы тут для разных целей, но кто пришел — навсегда здесь и остался. Как и я, обнаружившая этот коллектив почти год назад. До тех пор думала, что с ума сойду от бессмысленности бытия, но нет — растряслась. В простых ролях начала узнавать себя с иных сторон.

Ольга нам не врет. Она сразу говорит, в ком видит потенциал, нередко открыто критикует — пытается раскатать в остальных каплю таланта до максимума. И меня в покое не оставляет, кричит и теперь:

— Ася, сосредоточься! Вернее, наоборот, отпусти ты уже контроль. Это важное упражнение, как ты не понимаешь? Актер не может стесняться себя или своего тела! Убрать зажатость — первое, что необходимо. Тряси руками, ногами — по-